

ОГНИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

В. САВЕЛЬЕВ

*Собственный корреспондент
журнала
в странах Восточной Африки*

«ОКНО» В АФРИКУ

М ОХАМЕД Абдулла преподает историю в Дар-эс-Саламском университете. Сам он учился в Советском Союзе и отлично говорит по-русски.

— Мало кто у нас, в Танзании, пока еще по-настоящему понимает историю, мало кто ею интересуется, — сетует Абдулла. — А ведь это очень важно. Пренебрежительное отношение к истории сложилось у нас потому, что своей-то истории мы толком не знали. У нас привыкли понимать под историей биографии завоевателей, не наших, чужих героев, вроде, например, Черчилля. Нам нужно не это. И за последнее время трудами наших ученых начинается восстанавливаться новая историческая правда. Это очень важно и очень увлекательно. Приходите к нам, посмотрите интересные материалы.

Продолжение. Начало см.
«Азия и Африка сегодня», № 1 за
1972 год.

Абдулла безусловно прав. Так, скажем, чтобы лучше понять сегодняшний Дар-эс-Салам, не мешает заглянуть в его прошлое. Вот некоторые странички из истории города.

«Сэр, имею честь доложить о возвращении султана после десятидневного пребывания в Дхар-Салааме, предполагаемом месте строительства нового города на побережье материка, к югу от Занзибара, откуда до него несколько часов езды на пароходе.

Султан затрачивает крупные суммы на перевозку строительных материалов к этому месту, где в настоящее время он воздвигает дворец, крепость и жилье для своих чиновников...»

Так начинается одно из донесений английского консула на Занзибаре Дж. Эдварда Сьюарда, датированное 10 ноября 1866 года. Это одно из наиболее ранних свидетельств о возникновении Дар-эс-Салама. Мы еще вернемся к нему, равно как и к тому вопросу, почему консул именует город несколько иначе,

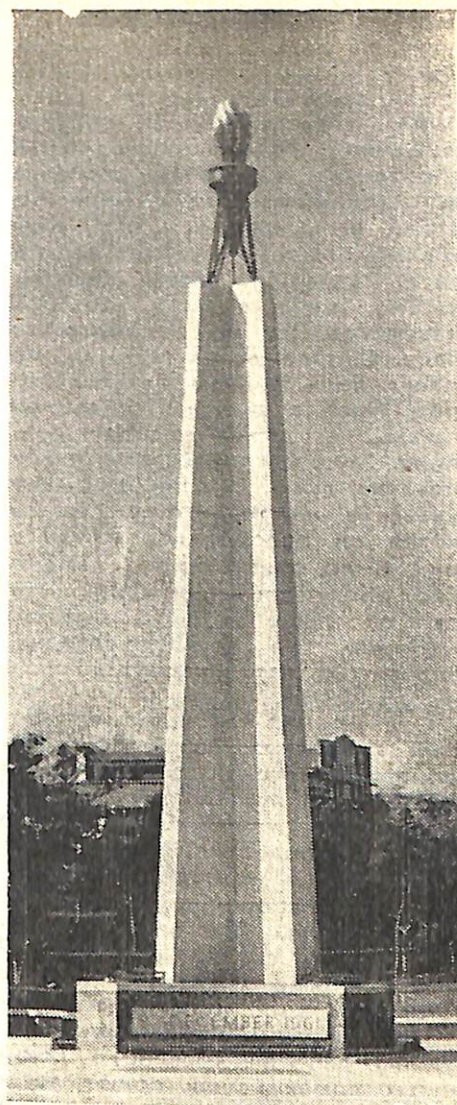
чем принято сейчас. А пока отметим лишь один факт: Дар-эс-Саламу повезло. В Африке (да и не только в Африке) не так уж много городов, в «метрике» которых можно записать год, месяц и даже день рождения. Сохранилось довольно много документов, воспоминаний, дневников, относящихся к этому периоду.

Своим основанием и развитием в начальный период город обязан султану Занзибара, рабам и паровому двигателю, который на флоте сменил паруса.

Обстоятельства становления и развития Дар-эс-Салама весьма своеобразны. Его короткая история, насчитывающая всего каких-нибудь сто лет, богата событиями и состоит, если можно так выразиться, из нескольких археологических пластов. Дар-эс-Салам прошел через три периода колониального господства, которые наслаивались один на другой и оставляли свой характерный отпечаток на застройке города, размещении кварталов и социально-этнических отношениях населения. Первый из них — владычество занзибарского султана, время быстрого строительства города и его быстрого упадка. Второй и третий — германский и английский колониализм. И, наконец, последние десять лет, в условиях независимости, — это новый, четвертый период.

Рождение Дар-эс-Салама едва ли в какой-то степени можно связывать (как это делают иногда) с древним африканским селением Мзизима, некогда стоявшим на берегу Индийского океана, к северу от большой пустынной бухты. Город возник в другом месте, в глубине этой бухты, и, разрастаясь, со временем поглотил Мзизиму и прочие рыбацкие деревушки на побережье, населенные африканцами из племени шомви, и ряд селений племени зарамо.

История строительства Дар-эс-Салама во многом напоминает строительство Петербурга. Дар-эс-Салам был основан в середине XIX века занзибарским султаном Сейидом Маджидом как новая столица на материке, как «окно» в Африку, в глубинные, еще мало известные районы, откуда на побережье доставляли невольников, слоновую кость и

Факел свободы — обелиск, воздвигнутый в Дар-эс-Саламе в память провозглашения независимости страны 9 декабря 1961 года.

золото. Петербург строили крепостные, Дар-эс-Салам — рабы.

Доподлинно неизвестно, сам ли султан решил воздвигнуть себе новую резиденцию на побережье, или эта идея была подсказана ему кем-либо из иностранных дипломатов или миссионеров, неважно — английских, французских ли, так как все они в равной степени стремились распространить свое влияние в глубь Восточной Африки и наверняка не колеблясь использовали бы в этих целях честолюбие султана. Так или иначе, но сам Маджид проявлял большой интерес к строительству Дар-эс-Салама. Лю-

бопытную мысль по этому поводу высказал сотрудник тогдашнего английского консульства на Занзибаре Кирк, а за ним повторил епископ Стейр: Маджид, якобы считал, что перенесение столицы на материк обезопасит его от всякого иностранного вмешательства. Весьма любопытное утверждение, особенно если учесть, что оно исходит от иностранцев!

Место для строительства новой столицы Маджид подбирал в течение нескольких лет. Так, предшественник Сьюарда, английский консул на Занзибаре подполковник Льюис Пелли в письме от 11 мая 1862 года, в частности, рассказывает: «Султан попросил сопровождать его на одном из военных судов к побережью материка с целью осмотра места, которое он считает подходящим для будущей гавани и пакгауза».

Но вернемся к донесению Сьюарда. В 1866 году он писал уже не о пакгаузе, а о городе, который вчерне был готов и уже получил имя: «Его высочество надеется заложить торговый порт, откуда караванные пути в радиальных направлениях будут расходиться внутрь материка. Дороги вдоль побережья свяжут его с Килвой и Ламу».

На побережье, кроме деревушек, уже существовали небольшие города. Один из них — Багамойо — был оплотом занзибарского влияния на африканские племена, центром процветавшей тогда работоторговли. Почему же Маджид искал новое место для столицы? Причин было много, но одна из них, — пожалуй, главная — состояла в том, что в отличие от мелководного прибрежья Багамойо гавань Дар-эс-Салама могла принимать не только утлые парусники, но и крупные паровые суда. И в этом отношении нельзя отказать султану в дальновидности. Прекрасные дачные гавани Дар-эс-Салама отмечались почти всеми ранними источниками, в том числе и Сьюардом, хотя в его донесении сквозят и заметные нотки пессимизма. И вот по какой причине: «Сам замысел хорош, но одна только нехватка рабочей силы губительно скажется на его осуществлении».

Консул поясняет: «Там невозможно держать сразу достаточное количество рабов. Сообщают, что только за время короткого пребывания в этих краях его высочества их удрали сорок человек». Рабы-африканцы, привезенные в родные края с ок-

руженного бежали в гавани Занзибара, в континенте.

И еще одна короткая выдержка из воспоминаний Сьюарда, рассказывающая о раннем периоде колонизации: «Чтобы привлечь поселенцев, султан предлагает сколько угодно земли каждому, кто хочет заняться сельским хозяйством в окрестностях нового города, ставя единственным условием: эта земля должна обрабатываться и давать урожай».

Так возникал новый город. Население его состояло из африканцев племени шомви и зарамо, арабов, переселявшихся с Занзибара, и индийских купцов, открывавших свои фактории.

В сентябре 1867 года султан Маджид пригласил английского, французского, немецкого и американского консулов посетить его в новой резиденции и отобедать с ним, как он выразился, «по-европейски». Практически состоялась официальная церемония «открытия» Дар-эс-Салама.

Но сентябрь 1867 года едва ли стоит считать датой рождения города. Ведь город уже существовал. Обед «по-европейски» скорее походил на крестины. Известна другая дата, более ранняя, которую можно поставить в «метрике». 16 октября 1866 года епископ Стейр сделал следующую запись в своем дневнике: «Сейид Маджид направился в Мзизиму, ныне — Дасалаам». И если вспомнить к тому же, что примерно месяц спустя английский консул Сьюард тоже пишет о Дар-эс-Саламе как об уже существующем городе, то предложенная нами дата его рождения представляется оправданной.

КАК НАЗЫВАЕТСЯ ГОРОД!

Но в чем дело? Почему в первоисточниках город именуется то Дхар-Салаамом, то Дасалаамом?

Если с днем рождения городу повезло, то происхождение его названия до сих пор остается неясным. Обычно принято считать, что Дар-эс-Салам — это «гавань мира». Так, например, трактует название города объемистый справочник «Танзания сегодня», выпущенный местным министерством информации в 1968 году. «Гавань мира» — арабско-персидское Бандар-ул-Салаам. Действительно, одно время город так назывался. Но не с самого начала. Скорее всего Маджид, нарекая этим именем будущий город, имел в виду не собственно гавань, а свою резиденцию — приют мира, спокойствия, отдохновения души. И если вспомнить указания на то, что у султана, когда он перебирался на материк, было среди прочих намерение обезопасить себя, держась подальше от иностранных «друзей», то тогда последний вариант может показаться вполне логичным.

Судьба Дар-эс-Салама складывалась нелегко. За первыми годами расцвета последовали два десятилетия упадка, забвения. «Строители ушли, бросив свое дело на половине. Деревянные части домов источены муравьями, стены превратились в уродливые руины. Торговцы бежали из города, словно спасаясь от чумы. Караваны снова направляются старыми путями в Багамойо, и кругом царит запустение. Улицы заросли травой. В покинутых домах нашли приют летучие мыши, совы, ящерицы и змеи, и на всем вокруг лежит печать старого, разрушенного и заброшенного города, отнюдь не нового, только что пробудившегося к жизни. Пройдет, вероятно, много лет, прежде чем спадет этот летаргический сон...» Так писал английский путешественник Джозеф Томпсон, посетивший Дар-эс-Салам в 1879 году.

Что же случилось?

В 1870 году умер Маджид, ско-

ропостижно, якобы после нечаянного падения в своем новом дворце. Его преемник султан Багдаш ненавидел все, что было связано с именем Маджида, в том числе и Дар-эс-Салам. Дворец оказался «несчастливым». Строительство новой столицы было приостановлено. Но, как и следовало ожидать, город, покинутый сынами Аллаха, привлёк внимание энергичных христиан. В 1877 году англичане, хорошо оценившие преимущества дар-эс-саламской бухты, приступили к строительству дороги в глубинные районы страны, заселенные племенем зарамо, однако осилили всего 83 мили, и в 1881 году работы были прекращены. В 1885 году немцы «приобрели» Дар-эс-Салам в концессию у занзибарского султана, используя город как базу для распространения своего влияния на континенте. В 1891 году город становится центром так называемой Германской Восточной Африки, просуществовавшей до Версальского договора 1919 года, после чего страна перешла в руки англичан. Начался период английской колонизации. На месте руин стал постепенно складываться новый город, который во многом сохранился до наших дней.

Но вернемся к названию города. Кроме приведенных выше вариантов, есть и еще один — Дари-Салама. Так в 1886 году называет город французский католический священник Лерой, проживший много лет в миссии «Святого духа и святого сердца Марии» на Занзибаре и в Багамойо. Лерой интересно объясняет и все другие варианты названия города: «Сейид начал с того, что дал имя будущему городу: Дари-Салама, два слова арабского происхождения в языке суахили, которые можно перевести как «надежная крыша, безопасное убежище, где нечего больше опасаться...» Один старый черный доктор, у которого я учусь, рассказал недавно, что Дари-Салама является одним из названий рая и должно употребляться только в этом значении. Такое кощунство не должно было оставаться безнаказанным, и господь покарал богохульника.

Тем не менее город называется Дари-Салама, а европейцы, не желая произносить это слово, как туземные дикари... переделали его в Дар-эс-Салам. Это название обозначено на картах, приводится в книгах, повторяется в газетах, вносится в дипломатические документы...».

«ДОСЬЕ АФРИКА»

Вышло в свет новое издание ЮНЕСКО — «Досье Африка», которое вводит читателя в изучение материка.

Предисловие написано бывшим министром культуры Сенегала Амаду М'Бо, занимающим в настоящее время пост одного из директоров ЮНЕСКО. Коллективный труд прежде всего освещает историю Африки, традиционные структуры, вопросы устного творчества и письменности, быт ряда африканских народностей.

И в наши дни название столицы Танзании все еще продолжает привлекать внимание любопытных, находятся охотники сделать его еще более «правильным».

Как-то в газете «Стандард» в отделе писем появилась такая реплика читателя: Дар-эс-Салам — название иностранное, колониального происхождения. Почему бы не назвать столицу на суахили, скажем, «Мджи ва джото» — «Знойный город». Это отвечало

ЗАГАДКА АНОНИМНОГО АСКАРИ

На центральной площади Дар-эс-Салама находится одна из достопримечательностей города — «аскари-монумент», иными словами — памятник неизвестному солдату.

На небольшом прямоугольном гранитном постаменте, украшенном двумя батальными барельефами, — бронзовая фигура афри-

руками и ногами армии, и всех других, кто служил и погиб за своего короля и страну в Восточной Африке в великой войне 1914—1918 годов».

Кажется ясно: памятник сооружен воинам, павшим во время первой мировой войны. Но каким воинам, о каком короле идет речь?

Во время первой мировой войны на территории Танганьики велись бои между немцами, владевшими тогда страной, и англичанами, базировавшимися в соседней Кении. У африканцев не было короля. Кто же имеется в виду: немецкий кайзер Вильгельм II или тогдашний английский король Георг V? И с той и с другой стороны «руки и ноги» армии были африканскими... Надпись на английском языке, дублированная на арабском и суахили. Всматриваюсь пристальнее: в самом низу едва заметные, потемневшие от времени буквы: «Лондон, 1927 год» и имя скульптора — Мирандер.

Значит, памятник поставлен, по существу, завоевателям и к танганьикским аскари не имеет никакого отношения.

Интересная деталь: текст надписи к памятнику составлен не кем иным, как Редьярдом Киплингом, великим и неутомимым бардом английской колониальной политики и идеологии.

До британской оккупации Дар-эс-Салама в 1916 году на месте аскари стоял другой монумент — фигура Германа фон Виссмана, под руководством которого немецкие войска подавили восстание местного населения в 1888—1889 годах. Позднее Виссман был губернатором Германской Восточной Африки.

Англичане убрали памятник Виссману и впоследствии заменили его абстрактным, анонимным аскари, который, если не читать надпись Киплинга, может иметь сейчас совсем иной, новый смысл. Это, конечно, ни больше ни меньше как случайное совпадение, но статую поставили так, что штык аскари направлен на юг, в сторону «португальского» Мозамбика и расистских ЮАР и Родезии. Поэтому сейчас в столице государства, на территории которого находится Комитет освобождения ОАЕ и штаб-квартира национально-освободительных движений юга континента, аскари можно рассматривать как символ борющейся Африки с острием штыка, направленным против колониализма и апартеида.

(Окончание следует)

Центральная часть Дар-эс-Салама — авеню Независимости.

бы климатическим условиям и имело бы местный колорит.

Другой читатель в заметке, помещенной через несколько номеров, возражал первому: «Что за скучное название «Мджи ва джото»? Не нужно менять названия ради того, чтобы только сменить их!». На этом дело кончилось. Дискуссии не вышло. Дар-эс-Салам остался Дар-эс-Саламом.

канского стрелка в боевой позе, в руках у него винтовка со штыком наперевес. Аскари стоит в центре площади, движение здесь довольно интенсивное, и туристы обычно осматривают монумент с тротуара. Редко кто подходит ближе, чтобы прочитать на постаменте табличку с надписью: «В память туземных африканских войск, которые сражались с врагом, носильщиков, которые были